

Вы НЕ бедные сиротки!

театральный
Я НЕ ОДИН
фестиваль

Ольга Фукс
Фото предоставлены

У ДЕТДОМОВЦЕВ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ШАНСОВ ПОПАСТЬ В СЕМЬЮ ПОЧТИ НЕТ. ПИК ИХ ОЖИДАНИЙ ПРИХОДИТСЯ НА ДЕВЯТЬ-ДЕСЯТЬ ЛЕТ, ЗАТЕМ НАДЕЖДА НАЧИНАЕТ УГАСАТЬ. ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО В СПЕКТАКЛЯХ ФЕСТИВАЛЯ «Я НЕ ОДИН» ИГРАЛИ ДЕТИ И ПОДРОСТКИ, БОЛЬШИНСТВО ИЗ КОТОРЫХ ТАК И ВЫРАСТУТ В ДЕТСКИХ ДОМАХ. НО ОЩУЩЕНИЕ СВЕТА, ИСХОДЯЩЕГО ОТ ИХ ЛИЦ, ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО.

А

учшая часть нашего общества поворачивается к тем, кто нуждается в помощи, которая далеко не всегда исчерпывается деньгами, – и этот процесс уже не остановить. Фестиваль «Я не один» – это способ впустить немного свежего воздуха в наиболее закрытую из систем нашей жизни – в детские дома. Идейные «папа» и «мама» фестиваля – фонды «Артист» и «Жизнь в движении» и персонально актёры Юрий Тхагалегов и Маризтта Цигаль. Его замысел прост, как всё гениальное, – пятеро профессиональных режиссёров отправляются в пять детских домов, каждый набирает себе группу из семи человек и выпускает с ними спектакль. Победитель получает право показать свою постановку в Москве ещё раз – на сцене Театра Наций. Среди почётных гостей фестиваля – Елизавета Боярская,

Евгений Князев, Игорь Золотовицкий, Ольга Ломоносова: они посетили по одному из спектаклей – и никто из них не смог уйти без личного приветствия.

Так, например, Игорь Золотовицкий тут же пригласил «своих» актёров на спектакль в ЦИМ. А Евгений Князев вспомнил, что однажды принял к себе на курс мальчика из детского дома: тот «проходил» со скрипом, и мастер курса сомневался в его кандидатуре, но когда узнал, что он из детского дома, зачислил его на курс – и ни разу о том не пожалел. Надо ли говорить, с какой жадностью ловили эти знаки внимания участники фестиваля!

Евгению Миронову как руководителю фонда «Артист» досталось право наградить спектакль-победитель. К моменту, когда он вышел объявлять лауреата, одна из юных актрис уже всхлипывала – в страхе, что её спектакль не получит никакой премии. «А что ты плачешь? – обратился к ней Миронов. – У меня для тебя тоже есть приз, и он главный».

Режиссёры (во время работы у них появились помощники) – Юрий Титов, Женя Беркович с Лизой Бондарь, Константин Кожевников с Егором Атаманским, Илья

Подчезерцев с Ярославом Францевым и Вероника Шахова – не выбрали детские дома. Работали с теми, кто достался из согласившихся пойти на такой эксперимент (не все директора оказались рады этой инициативе). Ни один из режиссёров не стал ставить с детьми спектакль по готовым текстам – все усложнили себе задачу и предложили ребятам быть не просто исполнителями чужих ролей, но и авторами своих историй.

Спектакль «Солнечный круг» Юрия Титова (детский дом «Солнечный круг») режиссёр посвятил проблеме выбора будущего пути – для детдомовцев она острее, чем для их домашних сверстников. «Я в детстве хотел быть космонавтом, а теперь думаю, не пойти ли мне в электротехники. Но боюсь – не справлюсь», «Я собираюсь выйти замуж в Италии и жить замечательно», «Я не знаю, кем хочу быть. Честно».

«Жил один» Жени Беркович оказался монтажом видеосъёмки в детском доме г. Рузы (бесконечные коридоры, правительственные портреты, памятка о террористах при входе, интервью с детьми), танцев, пантомимы, положенной на музыку казённых предписаний о посещении детей – и пронзительных историй, которые они сочинили. Трава сквозь асфальт.

«Спутники» Константина Кожевникова (детский дом «Спутник») – первые шаги в актёрском мастерстве: этюдный метод, ансамблевая игра, новая искренность. «Кто-то из моих актёров занимался театральной самодеятельностью, но это не лучший опыт, – рассказывает Константин. – От такого фальшивого «театра» надо их очищать, а с другой стороны – доставать то, что есть в них самих. Я же «доковец», уже несколько лет занимаюсь созданием текстов на основе разговоров с героями, когда надо отделять зёрна от плевел».

В работе с детдомовцами необходимо постоянно выстраивать взаимоотношения, и это сложно. У них много быстрых, разнонаправленных реакций, поэтому репетиции с такими ребятами – очень напряжённое занятие, которое требует большой концентрации: надо уметь быстро реагировать и легко перестраиваться. Надо их «нервяк», их буйную фантазию всё время обращать в дело. Им всё интересно, но часто они срываются на капризы и даже истерику. Может обладать и такая идея: а давай забьём

на всё. Первоочередная задача – установить доверительные отношения. Очевидно, что совладать с такими бугаями в одиночку практически невозможно. Хорошо, что Егор Атаманцев подключился к нашей работе: у меня хоть появилось время на обдумывание идей. Мы использовали известные актёрские упражнения, чтобы соединить написанные ребятами тексты и создать образ одиночества, блуждания в космосе.

Они не верят в себя, но убеждены, что не просто так попали в детдом – заслужили. Не ценят своего богатства и потому так легко попадают под дурное влияние. Боялись, что на их спектакль при-

Чепцпцкппппй у

дут школьники и будут смеяться. А я им объяснял: «Никто не может испортить вам праздник! Не у всех артистов есть шанс играть в центре Москвы, в Театре имени Пушкина». В итоге один мальчик-зритель из их товарищей встал и сказал: «Я смотрел и хотел быть на вашем месте».

Спектакль Spectrum Ильи Подчезерцева (детский дом г. Ступино) проник на территорию современного танца. Через целлофан (преграды, разделённость) участники спектакля прорывались друг к другу на ощупь в поисках любви.

Чепцпцкппппй у

«Гдетство», спектакль-лауреат в постановке Вероники Шаховой (детский реабилитационный центр «Вдохновение»), – серия сказочных историй про жителей маленького города и про то, что нельзя уставать любить. В этом городке живёт садовник: он посадил редкое растение, которое требовало постоянного ухода – и погибло, когда садовник устал и прилёг отдохнуть. А ещё там обитает жадный колбасник, у которого дворняга стащила колбасу, но так приласкалась, что он ей всё простил. А ещё булочник, который пёк знаменитый на весь мир хлеб, но, когда он купил на выставке новейшую хлебопекарню, хлеб перестал удаваться... Здесь рыбки получают из прищепок, а собака – из носка, надетого на руку. Здесь звучат разные инструменты в руках одного мальчишки. И правит бал то самое детское чувство игры по-честному, которое потом ищут в себе и собирают по крупицам взрослые актёры и режиссёры.

Спектакль «Гдетство» будет показан в конце января в Театре Наций. Также организаторы фестиваля ищут возможность продлить жизнь спектаклю «Жил один».

Женя БЕРКОВИЧ:

«У меня уже был опыт работы с детьми в детской колонии»

«У меня уже был опыт работы с детьми в детской колонии – в драматургическом проекте Class Act. Но там нас было четверо и действовали мы по проверенной технологии, когда каждую минуту ты понимаешь, что делаешь и что будешь делать потом. Для меня это стало невероятно крутым приключением. А здесь был абсолютный путь в неведомое.

Кстати, там, в колонии, у подростков на груди были нашивки с номером статьи, по которой они осуждены. Я первое время принципиально не позволяла себе выяснять, за что они сидели. Для меня они были не убийцы и вымогатели, а просто Пети и Васи. Так же и здесь. Я не стала выяснять причины попадания в детский дом. Настраивала их, что они профессионалы, а не бедные сиротки. Только ближе к концу работы разговорились по душам. Почти все из них социальные сироты при живых родителях. Но сейчас эти ребята уже и не очень хотят, чтобы их усыновили. Лет до девяти-десяти мечтали о семье, а сейчас... говорят, что уже не надо, что не хотят предавать тех, кто останется в детдоме. И все отзываются о родных только хорошо, жалеют «мамку», которая не справилась. Хотя видели своих родителей в самых разных состояниях и прекрасно всё про них понимают. Одного били смертным боем, другого мать сама привела. И всё равно – «мамка». Только наш самый младший участник всё ещё мечтает, что его усыновят – и две семьи им уже заинтересовались (один из потенциальных пап был на спектакле). Он об этом пока не знает: приёмные родители сейчас собирают документы, только потом их пустят к ребёнку.

Наши занятия ребята называли почему-то «театральное»: «Пойдёшь на театральное?» Репетиции были «тренировками», спектакль – «представлением». Конечно, они кое-что знали о театре, но в основном их водили на ёлки. При этом они постоянно участвуют в каких-то конкурсах – во время нашей работы они уезжали на конкурс с «Теремком». Самым сложным было потом вытащить из них этот

«теремок»: вытравить этот ложный алгоритм театра: выучил слова, рассказал по очереди. «А какое выражение у меня тут должно быть? А руки надо вот так развести?» – меня эти вопросы просто убивали.

Я дала каждому задание – придумать героя, который в чём-то очень важном был бы похож на них: страхами, мечтой, проблемой. А обстоятельства могут быть любыми, да хоть на драконах пусть летают. Неделя у нас ушла на эти тексты. Ребята не умеют быть авторами, они хорошие, дисциплинированные исполнители. Я их убеждала: «Никто, кроме тебя не знает, как правильно», «Ходите, смотрите по сторонам – драматургия вокруг вас». Потом, когда наш самый младший участник сочинил свою историю про спецназовца, который хочет спасти людей, всех прорвало, вскрыло. И они бросились писать. А передо мной стояла задача, как это передать. Так придумался речитатив из расписаний-предписаний. А про умывание и график нумерации зубных щёток и мочалок в первой группе ребята сами придумали.

Конечно, казённая атмосфера вокруг давит – предписания, расписания, права и обязанности ребёнка, памятка про террористов (при том что педагоги там действительно очень стараются). Меня повели показывать здание, где недавно сделали ремонт, поклеили дорогие обои (теперь на стенах, разумеется, ничего нельзя повесить). Но, знаете, я быстро отключила свой визуальный снобизм. Работники дома стараются, чтобы было чисто и тепло, и им просо не приходит в голову что-то менять. В конце концов, и в обычной семье, как правило, нельзя портить новые обои (это нам с братом разрешили рисовать на стенах что угодно, но в пределах комнаты, однако мы – скорее исключение), на полу лежат такие же ковры, а плакат про терроризм можно увидеть в метро.

Я спрашивала их, в чём они свободны. Отвечали, что музыку могут слушать любую. Одеваются по-разному, но возможность выбирать себе одежду наступает у них гораздо позже, чем у домашних. Конечно, выбор «костюмов»

на спектакль (покупка рубашек в «Охотном Ряду») стал для них событием. Выбрали, примерить постеснялись, потом две девочки тихонько поменялись. После выступления спросили, куда костюмы сдавать. Обрадовались, когда сказала, что могут оставить на память.

Я очень осторожно сама с собой договариваюсь о дальнейшем. Двоим из ребят вообще не надо заниматься театром. Троиц – ну, может быть. Тянуть за уши в театр никого не буду. Но если пойму, что человек серьезно настроен, буду раз в месяц ездить к нему заниматься, педагогов привезу».

I asked them what they were free to do. They said that they could listen to any type of music. They all dress differently, but the ability to pick their own clothes comes much later to them than to their peers living at home. Naturally, the process of choosing 'costumes' for the production (buying shirts at the 'Okhotny Ryad' store) became quite an event. They chose their shirts, but they were too shy to try them on, afterwards two of the girls quietly exchanged theirs between themselves. After the performance they asked me where to return the costumes. They were thrilled when I told them that they could leave the costumes as mementos.

I try to be very careful when I negotiate future plans with myself. Two of the kids shouldn't be doing theatre at all. For three of them it's a maybe. I'm not gonna drag anyone into theatre kicking and screaming. But if I see that a person is serious about it, I'll come to them once a month for a lesson, bring instructors along."